

Идеальное фэнтези
Романы
Карины Деминой

КАРИНА ДЕМИНА

НЕКРОМАНТЫ
И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Оформление — *Марина Самойлова*
Иллюстрация на обложке — *Vatori (Анна Дзюкова)*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Некроманты и все-все-все: [сборник] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. : ил. — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой).

ISBN 978-5-17-184976-4

Порой даже некроманты вынуждены решать житейские проблемы. Магистр некромантии Елена разгребает последствия проказ студентов и их подотчётной нежити. Грозный воин-некромант Премислав после долгих лет сражений с нечистью решает обратиться за помощью психиатра. А последний представитель славного дворянского рода Раймонд XIII отправляется в иной мир на поиски невесты. Три захватывающие истории на стыке миров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184976-4

© К. Демина, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Странные люди

Часть 1. *Знакомство*

— Маньяк, — пробормотала Елена, когда в белой мути тумана вырисовался силуэт.

Потом подумала, что по такой погоде только ма-
ньякам и бродить. Хотя она и сама-то недалеко ушла.

Можно было бы остаться на кафедре, соврав поутру, что снова заработалась. И ей бы поверили. Ну или хотя бы сделали вид, что верят. Или напроситься к Катюхе. Она бы не отказала, даже обрадовалась бы. На радостях достала бы бутылку своей фирменной настойки, и вечер прошел бы вполне себе мирно под рюмочку и Катюхины напрочь непрофессиональные жалобы на личную жизнь, которая в отличие от паззлов никак не складывалась. А потом и Елена поддержала бы беседу...

Но нет же, поперлась.

На последнюю электричку. А потом через лес. В оправдание свое можно было бы сказать, что в городе тумана не было, да и в целом погода стояла вполне себе вменяемая. Лес был знаком, дорога — хожена и перехожена.

А маньяк... маньяки, если подумать, дело житейское.

Туман стал гуще, а силуэт — крупнее. И выше.

Елена покрепче перехватила сумочку, пытаясь понять, что в ней есть такого, чем можно бы от маньяка отбиться. Косметичка? Конспекты лекций? Лич-

ный журнал посещений с отработками? Альбомы? Четвертушка хлеба «Бородинского»?

Или вот «Шпроты в масле». Консервы были увесистыми, можно в голову кинуть, а потом еще и хлебом сверху... Вдруг голодный? Он на шпроты с хлебом отвлечется, а Елена сбежит. Правда, сколь ни парадоксально, консервы было жаль. Она сама с обеда не жрамши, если так-то.

Меж тем силуэт окончательно приблизился и возопил тонким срывающимся голосом:

— Елена Петровна! Я точно все знаю!

Чтоб тебя. Елена даже выдох сдержала.

— Лялечкин! — Вопль ее, полный возмущения, мог бы распугать всех окрестных маньяков. — Что ты тут делаешь?

— Ну... — выступивший из тумана Лялечкин сгорбился, — за вами иду!

— И давно?

Она огляделась. Станция осталась далеко позади, как и лес. Впереди сквозь пелену тумана просвечивали редкие огоньки, стало быть, до садового товарищества и дома рукой подать.

— Давно, — признался Лялечкин. — Я просто хотел поговорить... о пересдаче. И ждал. А вы вышли и так быстро... — Ну да, на кафедре опять задержали, и Елена опасалась, что не успеет на электричку. — И я хотел... хотел...

— Но перехотел.

— А потом вы на электричку.

— И ты?

— И я... А вы тут тоже живете, да? Давайте я сумку понесу!

— Лялечкин!

— Да я ж так, без дурных мыслей.

Не хватало еще, чтоб с мыслями. Хотя... Елена поглядела на растрепанного Лялечкина, переминавшее

гося с ноги на ногу, и подумала, что из него как раз неплохой маньяк выйдет. А что? Вид наивный. Волосы светлые пухом одуванчиковым, глаза голубые огромные, смотрит с тоской... как такого заподозришь?

Классический маньяк.

— Назад-то как поедешь?

Сумку Елена не отдала. Маньяк или нет, но долгов за Лялечкиным за две недели практики набралось изрядно. С него станется ускакать в туман с заветной тетрадью, в которой эти самые долги отмечены. За двадцать пять лет педагогического стажа Елена четко усвоила, что доверять студентам нельзя. Они, если так-то, порой страшнее всяких маньяков. Да и встречаются последние куда реже завязтых должников.

— Никак. — Лялечкин выдал виноватую улыбку. — Я живу тут... недалеко...

— Неужели? Ты ж в общежитии был?

— Был, — плечи Лялечкина поникли, — но там... атмосфера нетворческая.

— В смысле?

— Ну... у меня характера нет, — он слегка замялся и поник, — и вообще...

— А тут у тебя характер появляется?

— Тут дядя! Приехать должен... был... — Оглядевшись по сторонам, Лялечкин добавил с уверенностью: — И приехал!

— Откуда?

— Из Караганды...

— Далеко, — прикинула Елена и сумку перехватила.

Сразу вспомнилось, что у нее с собой лабораторные тетради третьей группы, листочки с самостоятельной первокурсников и их же альбомы. И если отбиваться, надо было в целом сумкой. А она...

— Давайте понесу, она ж тяжелая. — Лялечкин протянул руку. — Меня попросили дяде помогать...

— В чем?

— Во всем... — Он тяжело вздохнул.

Дорога, спускавшаяся за лесом, теперь поднималась, идти было тяжеловато, и Елена, подумав, сумку все же отдала.

Если бы не альбомы... Вот какого их потащила? Проверила бы на кафедре завтра. Это все Мизигин со своими претензиями нервы вытрепал, вот она и сунула все разом, не разбираясь. А завтра назад волочь...

— Что-то ты не рад, — заметила Елена, пытаясь отвлечься от мыслей от Мизигине, который определенно задался целью Елену с кафедры выжить. Именно поэтому и всучил ей летнюю практику, да еще с группами по обмену, чтоб их всех... И Мизигина в первую очередь.

— Рад, но... Понимаете, у дяди характер очень сложный, — признался Лялечкин.

И собирался добавить еще что-то, но тут белесая стена тумана пришла в движение, а откуда-то со стороны леса раздался утробный вой, полный тоски и какой-то невыразимой душевной муки. Елена даже заморгала, потому что тоска оказалась заразной, а может, просто день такой... и в целом-то жизнь. И мысли пошли о никчемности этой жизни, и она остановилась, пораженная откровением: если так, то... зачем?

— Елена Петровна! — Очнулась она оттого, что кто-то дернул за руку. — Елена Петровна...

Лялечкин. Вот же... даже пострадать толком не дадут.

Вой стих, туман рассеялся, а Елена Петровна обнаружила себя стоящей у ворот. Как?

— Спасибо. — Она забрала у Лялечкина ношу.

Сейчас почему-то как никогда хотелось, чтобы он утащил эту сумку с тетрадью должников, альбомами и лабораторными, после которых заветный список

пополнится, а Мизигин снова заговорит о профессиональной некомпетентности...

В голове шумело. Но было... плевать.

Пожалуй.

— Вам чаю надо сладкого выпить. И вы же закроетесь, да? И в лес не пойдете? Ночью-то зачем? А завтра вы к первой паре? И мне тоже. Я зайду. Провожу... — Лялечкин суетился, и это тоже было странно.

— Зачем?

— Мало ли... Вдруг маньяк какой.

Действительно.

Магистр некромантии Елизар Добрынинов стоял, опираясь на слегка покосившийся забор, и думал, как вышло, что он оказался в этой дыре.

Студенты. Он всегда знал, что от студентов одни проблемы. И что созданы они исключительно с одной целью — отравлять его, Елизара, жизнь.

Как можно было?!

Простейшая лабораторная. Пятый курс. Почти выпускники, а они... Мало того, что упустили хлызня, так еще вблизи открытого портала! В момент, когда портал работал. Тянуло постучать головой о стену.

Что первый курс, который как раз уходил на практику, хлызня не заметил, это ладно — нечисть коварная, хитрая. А спрашивать, куда смотрел Евдокименко, вовсе смысла нет, тот и близко не некромант. Так, общей практики с уклоном на порталную. Он и на Елизара смотрел так же, как на всех: с легким недоумением и усталостью.

«Я, — заявил, — студентами заниматься поставлен и практику контролировать, а не всякую там нечисть. Хлызень ваш — вы и ищите».

И ученый совет радостно подхватил эту расчудесную идею. Тотчас выяснилось, что у Ватутина срочное дело в столице, Пехаров в отпуск собрался, и не

в соседний мир, а Невьятовский испытывает к параллельным мирам глубокое внутреннее отвращение. И аллергию.

— И вообще, — сказали Елизару. — Группа ваша, вы контролировать должны были. Следовательно, вам и разбираться.

А ректор хмуро добавил, что разобратся надо бы побыстрее, поскольку у него через неделю совещание в комиссии по бюджету. И что желающих на этот бюджет полно, а потому финансирование на будущий год всецело от расторопности Елизара зависит. Ну и от секретности, если с расторопностью не получится.

Скандал университету не нужен, а вот хлызень подотчетный — очень даже и желательно в не сильно поврежденном виде. Но тут уж, так и быть, они не настаивают.

— Вы не переживайте, — портал открывал тот же Евдокименко, — база у нас старая, дом хороший. И с адаптацией на первых порах помогут. Ваш же студент, как его... Лялечкин. Хоть и первый курс, но мальчик старательный. Стипендиат.

Еще тогда подумалось, что на диво странная фамилия для некроманта. Ну да мало ли, раз стипендиат, стало быть, есть за что.

Переход отозвался тошнотой и головокружением. С первым Елизар справился быстро, а второе обернулось долгой муторной болью в затылке. Впрочем, магистру ли некромантии обращать внимание на такие мелочи. Оттащив сумки в сторону — не хватало, чтоб на обратной тяге в подпространство засосало, — Елизар выбрался из подвала, вдохнул сырой пахнувший хвоей воздух и выругался.

Матом.

Попал... Как есть попал.

Он прошелся по дому, который был невелик и явно приходил в запустение. Паутина по углам не

слишком пугала, но скрипящие доски пола крепко действовали на нервы. Под полом, нисколько не стесняясь магистра некромантии, шуршали мыши, черная крупа помета виднелась и у стен.

— Чтоб вас всех, — сказал Елизар, уже понимая, что уборкой порталисты себя не утруждали.

Не наблюдалось в доме и дежурных, которые полагались согласно внутренним протоколам. Или опять финансирование урезали да ставки оптимизировали?

Скорее всего, так и есть. Повесили дежурство на студентов, а те... Додумать Елизар не успел, поскольку наткнулся-таки на след. След был старым — четыре широкие царапины на подоконнике, зато теперь ясно, что ошибки нет. Хлызень в этом мире.

Вот зараза. И что дальше-то?

Елизар выбрался во двор и огляделся.

Слева дома. Справа... поселение? Кажется, сезонное... Справку о мире ему выдали, но была та какой-то на диво расплывчатой. Дома невысокие, в один этаж. Единственное двухэтажное строение выделялось не только размерами, но и окружающим его высоким забором. Елизар оценил и забор, и крышу... нет, туда хлызень не сунется. Во всяком случае поначалу. Поищет что-то попроще, вроде тех вон домишек грязного вида. А то и вовсе постарается заброшенное здание найти.

Надо будет походить по округе. И кладбища проверить. Тварь-то сильная, но на цепи сидела долго, переход опять же... Может, в естественной среде обитания хлызни мертвечиной и брезгуют, но конкретно этому не до изысков. Может...

Елизар коснулся забора и выпустил силу. Поморщился — мир был безмагическим, и сила расплзлась тяжело, меняя физическую составляющую. Где-то на краю поселения залаяли собаки, но почти сразу смолкли.

Чуют? Звери всегда чувствуют.

А сила растекалась, прощупывая следы... И хлызния был, обнаружился у забора, от которого и повел дальше, к дороге. Ну хоть кровью свежей не тянет. И смертей недавних не было...

Хотя это он поторопился. Смерти были, и весьма... долгие? Мучительные? Сила откликнулась на них новым всплеском, и изменившаяся структура мира породила туман. И головная боль разрасталась. Но перед тем, как оборвать заклятье, Елизар явственно ощутил след хлызния.

Отлично. Он шмыгнул носом, привычно приложил платок, запирая кровь. Услышав далекий печальный вой нежити, вздохнул.

Хрен им, а не зачет по практике. Всех на пересдачу...

— Вы извините... — Лялечкин походил на некроманта еще меньше, чем порталист Евдокименко.

Ну какой некромант наденет светлую футболку со светлыми же штанами? Не то чтобы нельзя, скорее уж неразумно.

Сам Елизар давно и привычно носил одеяния темные, на которых не так заметны кровь, слизь и прочие случавшиеся в жизни некроманта недоразумения.

— Я с Еленой Петровной поговорить хотел, вот и задержался. А она еще на электричку пошла. Давайте я вам чаю сделаю. И бутерброд. Будете?

— Буду. — Голова болела муторно и явно надолго, и потому спорить Елизар не стал.

Как и мешать суетливому студенту, который усадил некроманта в разваливающееся кресло, а сам занялся готовкой.

— Так вот... А там темно. И лес. Еще и туман... Это из-за вас?

— Заблудились?

— Нет, тут дорога одна, захочешь — не ошибешься. — Перед Елизаром встала огромная кружка с тремя бумажными пакетиками в ней. — Извините, тут что осталось... — Паренек смутился.

— Дежурные где?

— Так еще когда отменили! Вроде как нерационально. От города далеко, а там договорились об общежитии для студентов. — Общежитие Елизару было без нужды. — Сюда редко кто заглядывает. Но я бы остался, если не помешаю... Мне сказали, что нужно вас... сопроводить. Помочь... приспособиться.

Тарелка с парой кусков белого хлеба. Кажется, масло. И тонюсенькие ломтики сыра. Причем сам Лялечкин, глянув на это, сглотнул и отвернулся.

— Ужинал? — поинтересовался Елизар.

В доме еды не было. И с собой парень притащил половинку местного хлеба и этот вот ломтик сыра.

— Я как-то... не очень... ем по вечерам.

Врет.

— Садись, — Елизар указал на потертый стул, одна ножка которого была замотана синей лентой, — и рассказывай. Из тебя некромант, как...

Дело даже не в фамилии и не во внешности, которая некромантической силе соответствовала... Да никак не соответствовала, разве что бледность характерная, но и только. Дело скорее в том, что самой этой силы в парне не было.

— Да понимаете... я, вообще-то, живописец, — выдохнул Лялечкин и сжался в комок. — Я по стипендии...

Живописец.

Но метка-то на нем от кафедры некромантии! Что за...

— Поступил. Учился. У меня балл самый высокий... был. — Он совсем поник. — А потом выяснилось, что в этом году практика в Элизуме будет. Может, слышали?